

"Свободный Четыре. История Тобиаса. (Часть 1, 5) (ЛП)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим Вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Вероника Рот

Свободный Четыре. История Тобиаса

Дивергент – 1,5

Оригинальное название: Veronica Roth

«Free Four: Tobias Tells the Story» 2012

Вероника Рот «Свободный Четыре. История Тобиаса» 2012

Перевод: Bloodstream и Lafanya

Редактура: Bloodstream

Оформление и верстка: Faye

Переведено специально для сайта: <http://divergentrussia.ru>

Любое копирование без ссылки

на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Аннотация

В книге "Свободный Четыре" Вероника Рот пересказывает все ключевые сцены с точки зрения Тобиаса. Эта тринадцатистраничная книга показывает нам нового Четыре и открывает неизвестные черты его характера, интересные факты из его жизни и его мысли по поводу инициирования Трис.

Свободный Четыре. История Тобиаса

Я бы не вызвался тренировать инициированных, если бы не запах тренажерного зала — запах пыли, пота и заостренного металла. Это было первым местом, где я почувствовал себя сильным. И так каждый раз, когда я нахожусь здесь.

На другой стороне зала стояли деревянные мишени. Напротив одной из стен — стол с оружием: уродливые металлические ножи, с закругленным наконечником идеально подходили для неопытных новичков. Напротив меня выстроились представители трех фракций: парень с прямой спиной из Искренности, спокойный из Эрудиции и Стифф, которая так опиралась на пальцы ног, как будто собиралась бежать.

— Завтра — последний день первого этапа, — произнес Эрик.

Он не посмотрел на меня. Вчера я задел его гордость, и не только, во время захвата флага — Макс отвел меня в сторону во время завтрака, чтобы спросить, как инициированные себя повели, если бы Эрик не был у власти. Он сидел за столом возле меня в то время и хмурился над своими сдобными оладьями

— Именно тогда вы возобновите борьбу, — продолжил Эрик.

— Сегодня же вы будете учиться, как попадать в цель. Каждый возьмите по три ножа, и внимательно следите за Четыре, когда он будет показывать вам технику метания.

Я ощущал на себе пристальный взгляд его глаз. Я выпрямился. Я ненавидел, когда он обращался со мной вот так, как будто я — его шестерка. Как будто я не выбил ему зуб во время нашего посвящения

— Живо!

Они побежали к ножам, как дети Аффракционеров, отчаянно бегущие за хлебом. Все, кроме нее. Она двигалась преднамеренными движениями, ее белокурые волосы мелькнули между плеч иницируемых выше ее ростом. Ей было не комфортно с оружием в руках и это то, что мне нравилось в ней. Она догадалась, что оно ненастоящее, но, в любом случае, она постарается научиться им пользоваться.

Эрик подошел ко мне, а я инстинктивно ушел в сторону. Я старался не бояться его, но я знал, как он умен. И если я буду невнимательным, то он заметит, как пристально я смотрю на нее. И это будет трагично. Я поворачиваюсь к цели с ножом в моей правой руке.

Я попросил, чтобы метание ножей убрали из учебной программы в этом году, ведь оно просто запугивает новичков. Здесь никто и никогда не использовал это, кроме как показать себя,

впрочем, что я сейчас и сделаю Эрик сказал бы, что талантливые люди всегда полезны, вот почему он отклонил мою просьбу. Но, пожалуй, это все, что я ненавидел в Бесстрашии. Я держу нож за лезвие так, чтобы баланс был правильным. Мой инструктор, Амар видел, что я много думаю, поэтому он научил меня связывать движения с дыханием. Я делаю вдох, смотрю в центр мишени. Выдыхаю и бросаю. Нож попадает в цель. Восторженные вздохи инициированных доносятся до моих ушей

Я нахожу в этом своеобразный ритм: вдохнуть и передать следующий нож в правую руку, выдохнуть и повернуть его кончиками пальцев, вдохнуть и смотреть на цель, выдохнуть и бросить. Все гаснет вокруг центра этой доски. Другие фракции называют нас безрассудными, если бы мы вовсе не думали, но все что я здесь делаю — это метаю ножи.

Голос Эрика разрушает моё оцепенение.

— Построиться!

Я оставляю ножи в доске, чтобы напомнить инициированным, что все возможно, и отступаю к боковой стенке Амар был тем, кто дал мне имя еще в те дни, когда первой вещью для инициированных, сразу же по прибытию в Бесстрашие, было прохождение через наши пейзажи страха. Он был таким человеком, который давал настолько привлекательные привязывающиеся прозвища, что все подражали ему.

Сейчас он мертв, но иногда, в этой комнате, я все еще слышу, как он бранит меня за удержание дыхания

Она не удерживает дыхание. Это хорошо — на одну дурную привычку меньше. Но у нее неуклюжая рука — прямо как куриная лапа.

Ножи летят, но большую часть времени не возвращаются. Даже Эдвард не разобрался, хотя он самый смысленый. Как и у Эрудитов, в его глазах искрилась особая тяга к знаниям.

— Похоже, Стифф пропустила слишком много ударов в голову! — Произнес Питер.

— Эй, Стифф! Помнишь, что такое нож?

Обычно я спокоен по отношению к людям, но Питер — исключение. Я ненавижу, как он издевается над людьми, в точности, как и Эрик.

Трис не отвечает, просто поднимает нож и бросает, все еще неловко, но прогресс пошел — я слышу звук металла, бьющегося о доску, и улыбаюсь.

— Эй, Питер, — говорит Трис, — помнишь, что такое цель?

Я смотрю на каждого из них, пытаюсь не попасться на глаза Эрику, так как он ходит позади них, как зверь в клетке. Я должен признать, что Кристина хороша — хотя я не люблю хвалить умников из Искренности — как и Питер — хоть и не люблю давать похвал будущим психопатам. Ал, однако, просто как ходячая, говорящая кувалда — сила есть, ума не надо. И не один я это замечаю.

— Насколько ты туп. Искренний? Тебе нужны очки? Может мне пододвинуть мишень поближе?
— Произносит Эрик напряженным голосом.

Кувалд-Ал оказался таким чувствительным. Его убивали их насмешки. Когда он снова бросил

нож, тот попал в стену.

— Что это было, инициированный? — Говорит Эрик.

— Он... он выскользнул.

— Ладно, думаю, тебе следует пойти и забрать его.

Инициированные прекращают броски.

— Разве я велел остановиться? — Спросил Эрик, его проколотые брови потянулись вверх.

Это нехорошо.

— Пойти и забрать? — Говорит Ал. — Но все по-прежнему бросают.

— И?

— Я не хочу, чтобы в меня попали.

— Думаю, тебе следует надеяться, что твои приятели попадают в цель лучше тебя. Иди и возьми нож.

— Нет.

Кувалда снова поражает меня. Его ответ упрям, но бессмыслен. Тем не менее, со стороны Ала отказать Эрику было храбрым поступком. Ведь тот никогда не сможет понять, что такое быть под обстрелом ножей.

— Почему? Боишься?

— Быть пронзенным летящим ножом? — Спрашивает Ал. — Да, боюсь!

Мое тело тяжелеет под голосом Эрика.

— Все остановились!

Первый раз, когда я встретился с Эриком, он был в синей одежде, а его волосы спускались по бокам. Он дрожал, когда подходил к Амару, чтобы получить свою инъекцию на проверку страхов. На протяжении пейзажей страха, он ни разу не сдвинулся, просто стоял, крича в зубы, пытаюсь успокоить свое сердцебиение до приемлемого уровня, используя дыхание. Я не знал, возможно ли преодолеть страх в теле до того, как ты победишь его в своем уме. Именно с этого момента я понял, что его стоит опасаться.

— Освободить арену, — произносит Эрик. Затем, обращаясь к Алу: — Всем, кроме тебя. Встань перед мишенью.

Ал, сглатывая, неуклюже продвигается к цели. Я отталкиваюсь от стены. Я знаю, что Эрик собирается сделать. И это может кончиться потерей глаза или перерезанным горлом — ужасом, как и на каждой драке, свидетелем которой я был. Каждая из таких драк уводила меня все дальше и дальше от фракции, которую я выбрал в качестве убежища.

Несмотря на меня. Эрик произносит:

— Эй, Четыре. Помоги мне, а?

Часть меня чувствует облегчение. По крайней мере, я знаю, что если именно я буду бросать ножи, то у Ала будет меньше шансов получить травму. Но я также не могу быть жестоким и не могу быть тем, кто выполняет грязную работу Эрика.

Я пытаюсь действовать небрежно, чешу бровь острием ножа, но не чувствую себя как обычно. Казалось, что форма впивается в меня, таким образом, вгоняя меня в неправильное состояние.

Эрик заговорил.

— Ты будешь стоять там, пока он бросает ножи, до тех пор, пока не перестанешь дрожать.

Моя грудная клетка сжалась. Я хотел спасти Ала, но чем больше я буду бросать вызовов Эрику, тем решительнее он будет ставить меня на место. Я изобразил скуку на своем лице.

— Это так необходимо?

— Здесь власть у меня, ты не забыл? — Говорит Эрик. — Здесь и везде.

Я чувствую, как кровь приливает к лицу, когда смотрю на него, а его взгляд устремлен на меня. Макс попросил меня быть лидером фракции, и я должен был согласиться. Я бы так и поступил, если бы знал, что мог предотвратить такие вещи, как раскачивание инициированных над пропастью или принуждение драться с друг другом.

Я понимаю, что чересчур сильно сжимаю ножи, потому что на ладонях остались следы. Я должен делать то, что говорит Эрик. Мой единственный выбор — покинуть зал, но если я уйду, Эрик сам станет бросать ножи, а этого я не могу допустить. Я поворачиваюсь к Алу.

А затем я слышу ее голос — он точно принадлежит ей — по девчачьи слабый и заботливый.

— Хватит.

Я не хочу, чтобы Эрик повернулся к ней. Я свирепо смотрю на неё, как будто это заставит её подумать дважды. Но я знаю, что этого не случится. Я не тупой.

— Любой идиот может стоять перед мишенью, — говорит Трис. — Это не доказывает ничего, кроме того, что ты издеваешься над ним. Что, насколько я помню, признак трусости.

Снаружи — бесстрашные звери, внутри — малые дети, которые скрываются под татуировками, пирсингом и черной одеждой.

Возможно, я глуп. Мне стоит перестать думать о ней подобным образом.

— Тогда это будет легко для тебя, — говорит Эрик, заправляя свои волосы за уши. — Если ты желаешь занять его место.

И затем, всего на долю секунды, наши глаза встречаются. Было похоже на то, что он знал, знал о том, что я что-то чувствую к ней. И он собирался заставить меня метать в нее ножи. На мгновение — не дольше, чем мгновение — я думаю о том, чтобы бросить нож в него. Я бы попал ему в руку или в ногу, не причинив особого вреда...

— Попрощайся со своим прелестным личиком, — через всю комнату говорит Питер. — Ой, подожди. У тебя же его нет!

Я едва замечаю этот комментарий, потому что занят Трис.

Она становится спиной к доске. Верхушка ее головы едва касается центра мишени. Приподняв подбородок, она смотрит на меня с таким упрямством, которое так мне знакомо. Оно свойственно Отреченным. Я не могу сказать ей, что все будет в порядке, когда здесь Эрик, но я могу попытаться сделать ее сильнее.

— Если ты дрогнешь. Ал займет твое место. Понятно? — Говорю я.

Эрик стоит слишком близко, постукивая ногой по полу. Я должен сделать все правильно. Я не могу бросить нож к краю доски, потому что Эрик знает, что я легко попадаю в центр. Но неуклюжий бросок на дюйм в любом направлении — и я могу причинить ей боль. Попрощайся со своим прелестным личиком.

Но Питер прав — она вовсе не милая. Это слово ей не подходит. Она не похожа на тех девушек, у которых красивые изгибы тела. Трис — маленькая, но сильная, а ее яркие глаза требуют внимания. Смотреть на нее — это как пробуждение.

Я бросаю нож, смотря в ее глаза. Он вонзается в доску рядом с ее шеей. Мои руки дрожат от облегчения. Она закрывает глаза, поэтому мне стоит напомнить ей о ее самоотверженности.

— Что, достаточно, Стифф? — Спрашиваю я.

Стифф. Вот почему ты сильна, понимаешь?

Она злится.

— Нет.

Как она догадалась? Ради Бога, она же не умеет читать мысли.

— Тогда открой глаза, — произношу я, проводя ножом по коже между бровей. На самом деле, я не хотел, чтобы мы встречались взглядом, но от того, что она смотрела на меня, мне становилось легче. Я вдыхаю пыльно-потно-металлический запах и перекладываю нож из левой руки в правую. Эрик еще ближе ко мне.

Вид комнаты сужается вокруг участка на ее волосах, и я бросаю нож на выдохе.

Я слышу голос Эрика за моей спиной.

— Хм-м. — Это все, что он произнес.

— Ну же, Стифф, — говорю я. — Пусть кто-то другой займет твое место.

— Заткнись. Четыре! — Говорит она, и я хочу крикнуть ей в ответ, что я так же разочарован. Я чувствовал, как Эрик анализировал каждый мой шаг, ища мои слабые места, чтобы надавить на них так сильно, как это только возможно.

Я слышу еще одно "хм-м", и я не уверен, был ли это Эрик или мое воображение. Но что я точно знаю, так то, что должен его убедить — она просто еще одна инициированная и я должен сделать это прямо сейчас. Я глубоко вдыхаю и принимаю быстрое решение, глядя на кончик ее уха — быстро исцеляющийся хрящ. Страх не существует. Как и моего сердцебиения, туго сжатой груди и потеющих ладоней.

Я бросаю нож и отворачиваюсь, когда она вздрагивает с облегчением — я не причинил ей вреда. Я сделал это.

— Я бы остался и посмотрел, все ли здесь такие смелые, как она, но думаю, на сегодня хватит, — сказал Эрик. Потом шепнул мне:

— Ну. Это должно напугать их, да?

Думаю — надеюсь — это означает, что он больше не сомневается во мне. Он прикасается к ее плечу и одаривает металлической улыбкой

— Мне не следует спускать с тебя глаз.

Я смотрю, как кровь стекает по ее уху на шею, и чувствую себя отвратительно. Комната пуста, двери закрываются, и я жду, пока утихнут шаги, прежде чем броситься к ней

— Твоё... — Я начал тянуться к боку ее головы Она пристально смотрит.

— Ты сделал это специально!

— Да, — говорю я. — И ты должна поблагодарить меня за помощь... — Я хочу рассказать ей об Эрике и о том, насколько сильно он хочет ранить меня и каждого, о ком я, хотя бы и немного, забочусь, или о том, как я узнал, где она берет силы, и хотел оборвать ее возражения, но она не дала мне шанса.

— Поблагодарить? Ты чуть не отрезал мне ухо, и все это время дразнил меня. Почему я должна благодарить тебя?

Дразнил? Я мрачно смотрю на неё.

— Знаешь, я уже немного устал ждать, пока до тебя дойдет! — Говорю я.

— Дойдет? Дойдет что? Что ты хотел доказать Эрику, насколько ты жесток? Что ты — такой же садист, как и он?

Обвинение заставляет меня почувствовать холод. Она думает, что я похож на Эрика? Думает, я хочу произвести на него впечатление?

— Я не садист, — я наклоняюсь к ней ближе, и вдруг нервничаю, так как что-то покалывает в груди. — Если бы я хотел сделать тебе больно, то ты не думаешь, что я давно уже сделал бы это?

Она достаточно близко, ее легко коснуться, но если она думает, что я — как Эрик, то этого никогда не произойдет.

Конечно же, она так думает. Я просто бросил ножи ей в голову Я провернул все это. Неизменно.

Мне нужно выйти. Я пересекаю комнату и, в последнюю секунду перед тем, как хлопнуть дверью, втыкаю острие ножа в стол. Я слышу ее разочарованный крик из-за угла и останавливаюсь, опускаюсь на корточки, прислонившись спиной к стене. Прежде, чем она пришла сюда, внутри меня все остановилось, и каждое утро я просто ждал наступления ночи. Я думал об уходе... я решил бы уйти отсюда, чтобы стать Аффракционером, после того, как курс этих посвященных быт бы завершен. Но потом появилась она, и она так похожа на меня:

отложила свою серую одежду, но не совсем далеко, никогда не отложит далеко, потому, что она знает секрет — это самые крепкие доспехи, которые мы только можем носить.

А теперь она ненавидит меня, и я не могу покинуть Бесстрашных, чтобы присоединиться к Афракционерам, как и собирался. Все из-за взгляда Эрика — он очень похож на взгляд, которым он смотрел на Амара в прошлом году, а потом его нашли мертвым на тротуаре возле железнодорожных путей. Все Дивергенты, в конце концов, оказывались мертвы, кроме меня, из-за моего неожиданного удачного результата теста. И если Эрик следит за ней, значит — она такая же.

Мои мысли возвращались к прошлой ночи, когда прикосновение к ней растопило в моем теле жар, хотя я был заморожен страхом. Я сжимаю голову руками, вытесняю мысли прочь

Я не могу уйти сейчас. Она мне слишком сильно нравится. Ну вот, я сказал это. Но этого не повторится.

mir-knigi.org